

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ВНИМАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Соколов М. М., канд. социол. наук, г. Санкт-Петербург

Понятие «пространства внимания» введено Рэндаллом Коллинзом для обозначения той доли академической коммуникации, за которыми ученый или группа ученых следят. Наблюдаемая организация этого пространства является результатом коммуникативного поведения (Гоффман), направленного на активный поиск, фильтрацию, или избегание информации, а также демонстрацию того, что коммуникация состоялась или не состоялась. Каждая академическая культура выдвигает определенные нормативные предписания, согласно которым это поведение должно быть организовано; она определяет, в частности, зоны принудительного внимания (социолог обязан прочитать «Протестантскую этику и дух капитализма») и зоны легитимного невнимания (социолог может и не читать «Анализ фобии одного пятилетнего мальчика», хотя психолог обязан). Несмотря на присутствие некоторых общих тем, академические культуры даже внутри одной дисциплины – социологии – драматически различаются тем, какие нормы коммуникативного поведения они утверждают. Для некоторых центральным институтом в поддержании пространства внимания являются журналы, а для некоторых эту роль играют монографии или устные коммуникации. Некоторые признают легитимность деления по «теоретическим перспективам» (этнометодолог обязан следить за развитием исследований по этнометодологии, но всего остального может позволить себе и не знать), другие ее отрицают, но зато утверждают, скажем, важность предметных различий (социология образования), политических позиций (критическая теория) или культурных и национальных контекстов. Некоторые верят в то, что знать последние работы важнее, чем классические, некоторые – наоборот. Каждая из культур обладает более-менее эксплицитной философией науки, которые оправдывают предпочтения.

В докладе представляются результаты сравнительного изучения постсоветских академических культур, осуществленное в рамках проекта «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе:

Петербургская социология после 1985 года» (www.socdata.spb.ru). Целью исследования было проследить «тотальную историю» сообщества через биографии примерно 600 индивидов, которые в него входили на протяжении последних 25 лет. Одной из составляющих проекта был анализ коммуникативной структуры петербургской социологии – того, кто с кем взаимодействовал, обменивался информацией и того, кто на кого оказывал влияние – иными словами, того, кто был откуда «видим». Эта информация была получена несколькими методами, такими, как подсчет цитирований, анкетный опрос, неформализованное интервью и клиометрический анализ исторических данных – программ различных социологических мероприятий, проходивших в городе в 1998–2008 годах.

Наши основные выводы были таковы. Во-первых, основной формой организации, поддерживающим «видимость» внутри локального сообщества, являются квази-клановые сетевые структуры. Существует несколько сетей, построенных на интенсивных личных связях, и коммуникация преимущественно разворачивается внутри них. Между сетями нет никакого отчетливого тематического различия; они все претендуют на то, чтобы представлять «социологию в целом» в глазах определенных патронов (сетям соответствуют академические рынки с их институциональной базой, укорененными интересами и легитимационными требованиями; само участие в дисциплинарной коммуникации обусловлено потребностью в создании репутации в глазах соответствующих экономических контрагентов).

Во-вторых, поскольку академические рынки имеют стойкую связь с социально-политическими лагерями, выстроенные в измерении «славянофильский-западнический», то и сети имеют соответствующие политические характеристики (здесь невозможно установить однозначно, что предшествует чему). Мы находим явное соответствие этому делению в предпочтении «национальной традиции» или «мировой дискуссии». Это различие пересекается с еще одним, относящимся к имплицитной философии науки: фундаменталистской ориентацией на классика или модернистской ориентацией на последние достижения; более строгим соответствием канону или более индивидуализированными вкусами (в обоих случаях, первое соответствует «восточной», второе – «западной» части нашего спектра).

В-третьих, за охваченные нашим исследованием десятилетия имела место несомненная диффузия инноваций из «западнического» в «славянофильский» сегмент; агентами инновации служили младшие (примерно с 1965 г. р.) поколения. Базовые правила, определяющие пространства внимания в отношении классических фигур, для них являются практически идентичными во всех частях нашего сообщества; сохраняются, однако, глубокие различия в правилах коммуникативного поведения, направленных на современников, так же, как и, в целом, избегание друг друга. Это избегание имеет разную модальность для разных сетей – несколько высокомерное пренебрежение более «Запада» и рессентимент «Востока».